

Дорога весело бежала перед моим новеньким «Патриотом», который, деловито шурша ребристыми покрышками, норовил, казалось, самостоятельно, без моего участия, увеличить обороты и погоняться с дорогой наперегонки. Я невольно улыбнулся, вспомнив нашего главного механизатора, который, осмотрев машину, сказал, что теперь главное — «присидеться» в ней, и тогда всё встанет на свои места, машина перестанет рваться вперёд дороги.

— Ты, Андреич, погодь на ней гонять-то! Не загружай её шибко! — деловито осмотрев «уазик» и послушав, как работает двигатель, наставительно проговорил он, закрывая капот. — Каждый механизм должен сам к себе приноровиться и притереться! А если ты не дашь ему этого сделать, капризничать он начнёт...

— Алексей Степаныч! — засмеявшись, перебил я механика. — Я что, на гонщика похож? Или, может, у нас тут есть места, где можно гонки устраивать?

— Так-то оно так, — пробормотал Степаныч, — а напомнить, однако, никогда лишним не бывает.

По правде говоря, я лукавил. Было у нас где погоняться, ой было! Было одно место, где укатанная песчаная дорога делала затяжной плавный поворот, огибая пшеничное поле. Ну а что? Дорога широкая, встречных машин практически нет. Крупный белый песок слежался и утрамбовался, можно сказать, до асфальтового состояния. Гоняй — не хочу! Я не хотел. И не

потому, что представлял в этой глуши власть и сам, так сказать, должен себя блюсти, а потому, что мне нравилось ездить не спеша. Когда едешь не торопясь и видишь проплывающие мимо поля и полянки, деревья и околки, видишь, как наваливается с обеих сторон на дорогу массив леса, хорошо думается. Наверное, так же хорошо, как и в бане, когда ты, развалившись на полке и закрыв глаза, чувствуешь, как под натиском горячего пара из головы вдруг начинают лезть дельные мысли.

Я сбавил скорость перед несколькими огромными соннами, росшими возле дороги, и машина весело запрыгала по толстым корням, которые, извиваясь, как змеи, пересекали дорогу. Ну вот и всё, почти приехал.

Сейчас из-за высокого кустарника выпрыгнет гороховое поле, и сразу за ним начнётся прямая дорога к моему дому — вернее, к деревне, где я живу и работаю. Дорога пересекла деревню и вывела мою машину прямо к местному средоточию власти, другими словами — к сельскому управлению, глава которого как раз сидел на крылечке в тени раскидистой черёмухи и, можно сказать, напрямую наблюдал за вверенной ему территорией.

— Ну, Александр Андреич, как съездилось? — спросило местное начальство, когда я заглушил мотор и, выбравшись из машины, стал нагибаться во все стороны, разминая спину.

Путь всё-таки был неблизкий — до районного центра, из которого я вернулся, без малого восемьдесят километров, так что около полутора часов я в дороге провёл.

— Отлично, Михалыч,— ответил я, присаживаясь на крылечко рядом.— И свои дела сделал, и твои. Когда я твои бумаги отдал, велели передать, чтобы ты готовил заправку. Через недельку бензовоз придёт и вкусную безвозмездную солярку привезёт!

— Ты смотри! Не обмануло государство-то. Никак решило хозяйствам на самом деле помочь?!

Я пожал плечами.

— Ну ладно, Андреич,— засуетился Михалыч,— пора мне, а то что-то засиделся я.

И он, кивнув мне на прощание, засеменял к своей старенькой «Ниве», которая, спасаясь от солнца, дремала в тени управления. Проводив главу поселения взглядом, я

вздыхнул и, поднявшись с крыльца, пошёл к своему рабочему месту, над дверью которого красовалась старая выцветшая табличка: «Участковый пункт милиции».

Почему вывеску не меняли, не знал никто, да, честно говоря, узнавать и не пытались. Правда, Егорыч, местный агроном, как-то в разговоре упомянул, что слово «милиция» людям гораздо роднее, чем новомодное и непонятное слово «полиция», которое неприятно созвучно с поганым словом «полицай». Поэтому, мол, и не меняют её.

Оказался в этой глуши я неслучайно. Вернее сказать, случайно попал я в эту деревню только в первый раз. Меня позвал приятель, у которого здесь жила бабушка. После её смерти внука пригласили разобраться с наследством в виде старого дома, где бабка прожила всю жизнь. Тот и взял меня с собой, чтобы было не так скучно. В результате от полуразвалившегося дома приятель отказался, здраво рассудив, что вдали от цивилизации такое жилище никто не купит. Быстренько подписал подготовленные районным юристом бумаги в пользу местного сельсовета и ушёл обратно в город. Ну а я, помучившись ещё с полгода, написал рапорт на перевод именно в это место, оставив хлопотную должность старшего оперуполномоченного. И вот уже пять лет как работаю участковым инспектором, в зоне внимания которого оказались три деревни, которые назывались незатейливо: одна была Левая, другая — Правая, а третья, где вообще заканчивалась дорога, дальше можно было только пешком, в тайгу, так и была прозвана — Крайняя. В ней и находился мой участковый пункт.

Утро началось как обычно: я, обмотавшись по бёдрам полотенцем, не торопясь вышел из дома и прошлёпал через весь двор по вымощенной плоскими камнями дорожке к летнему душу, который примостился возле бани. Покряхтывая от прохладности воды, несколько минут плескался под падающими из большого бака струями. Потом, в одних трусах, не одеваясь, пожарил яичницу с салом, настрогал подоспевших огурчиков и не спеша, в своё удовольствие, поел. В это время в деревне никто никуда не торопился, кроме, пожалуй, только женщин, которым надо было и корову с утра подоить, и семью накормить.

Закончив утренние домашние дела, потопал в контору — открывать свой участковый пункт. Работа у меня сегодня намечалась. Надо было напугать законом местную знаменитость — четырнадцатилетнего Гришку, которому эти самые четырнадцать очень кстати исполнились неделю назад. О том, что Гришка уже на месте, меня известил визгливый голос его матери, которая отчитывала его за бестолковость и непослушание. Управляющий, находясь тут же, поддакивал женщине и сурово поглядывал на опустившего голову мальчишку. Увидев представителя власти, то есть меня, во всей своей красе, другими словами — в форме, а именно в рубашке с коротким рукавом, на которой красовались новенькие майорские погоны, и в штанах, которым какой-то дизайнер с большим воображением придумал присобачить на наружной стороне бёдер по накладному карману. Визг прекратился, и мамка Гришки залопотала:

— Александр Андрейч, а может, не надо ребёнка наказывать? Несмышлёный же он совсем ещё, а? Он больше не будет! Вот крест даю, не будет! — и она, демонстрируя незыблемость своего утверждения, истово перекрестилась.

— Анна Николаевна! — возмутился я. — Побойтесь Бога! Вы ведь неверующая! Чему сына учите?! Которому, кстати, уже исполнилось четырнадцать, и он уже сам за свои преступления отвечать может! Заходите давайте, нечего на улице орать! — сказал я и первым вошёл в кабинет.

Уселся сам и, указав рукой на стулья, стоящие напротив моего стола, не дожидаясь, пока преступная семейка усядется, начал:

— Итак, на тебя, Григорий, поступила жалоба, что ты разогнал стадо свиней, которое в страхе разбежалось, и его до настоящего времени ещё не собрали. Так или нет? — повысил я для острастки голос. И, дождавшись, когда пацан кивнёт, продолжил: — А знаете ли вы, молодой человек, сколько стоит взрослый кабан?

Он знал, да и все в деревне, начиная с малолетства, знали. Дорого стоит! Гришка кивнул и пошмыгал носом, намереваясь меня разжалобить. «Шалишь! — хмыкнул я. — Не на того нарвался! Не поведусь я на твои мнимые сопли. Пугать я тебя начну именно сейчас!»

— Вижу, что знаешь. Поэтому, друг мой, я сейчас тебя буду допрашивать в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьёй сто шестьдесят второй уголовного кодекса Российской нашей Федерации! — торжественно и сурово объявил я, голосом нажимая на слово «уголовного».

И с досадой посмотрел на его мамашу, которая в ужасе вытаращила меня глаза. «Вот блин! Ей-то за что достаётся? Хороший она человек! И пацан у неё тоже хороший парень, добрый, душевный. Я знаю это, но уж больно энергия из него прёт! Через край выхлестывает! И через это всему местному хозяйству хлопоты!»

— Господи! — запричитала мамаша. — Да что же это за статья-то такая?

— А это, Анна Николаевна, — рявкнул я, — разбойное нападение!

— Да на кого же он напал-то? — всплеснула руками женщина.

— А вот на это самое стадо поросят он и напал! — выдал я и гневно уставился на мальчишку.

Тот тоже в изумлении вытаращил на меня глаза. Он явно и подумать даже не мог, что как-то можно связать воедино поросят и разбойное нападение. Но я смог! И поэтому, свалив в кучу свиней и уголовный кодекс, вытащил из стола протокол допроса обвиняемого, напечатанный ещё в далёком восемьдесят восьмом году и давно недействительный, на котором я для пущей солидности наставил конторских печатей, и важно сказал:

— Ну что же, приступим к допросу, и, взяв ручку, спросил, обращаясь к парню: — Ваши фамилия, имя, отчество?

Гришка, конечно же, прочитал, что это именно протокол допроса обвиняемого, и мамка его тоже это прочитала. И их обоих проняло. Заревели они оба. Дружно. В голос.

Разумеется, я, как добрый дядя Стёпа-милиционер, не стал лишать свободы такого хорошего парня, который, размазывая слёзы и сопли по лицу, клятвенно пообещал мне, что до конца лета, до самого отъезда в интернат, он больше не будет совершать нападения на свинское стадо. Другими словами, перестанет кататься на них верхом.

С чувством выполненного долга и испытывая удовлетворение оттого, что заставил ныть местную грозу свиней, я заварил себе кофейку и, выбравшись из кабинета и усевшись на крылечко, стал прихлёбывать ароматный напиток из большой кружки.

— Здравствуйте, Александр Андреич! — улыбаясь, поздоровался со мной подошедший к управлению агроном. — Поражаюсь я, знаете ли, вашему умению, — продолжил он после того, как удобно устроился рядом со мной, — пугать людей так, чтобы они от вас радостные убежали.

— Что, Николай Егорыч, — хмыкнул я, — Гришку с мамкой встретили?

— Их, а кого же ещё? Только они от конторы шли. Не Михаил Михайлович же их сначала напугал, а потом развеселил.

— Ну что, Егорыч, кофейку вам спроворить? — гостеприимно предложил я.

— Да Бог с вами, Александр Андреевич, — аж всплеснул руками агроном. — Вы же знаете, что я пью чай только собственного, так сказать, производства! А это, — и он кивнул головой на мою кружку, — извините, конечно, за грубость, — пошло! Так что там сей молодой человек набедокурил? — заинтересованно посмотрел на меня Егорыч.

— На поросях он катался! Блин! Всё поселковое стадо, можно сказать, по лесу разогнал!

— А-а-а! Да-да-да. Как же, как же, видел! — встрепенулся Егорыч. — Занятное, я вам скажу, зрелище! Азартное! Затягивает, знаете ли! Мне, молодой человек, честно говоря, даже самому захотелось вот так-то... поучаствовать, так сказать.

Я, не скрываясь, откровенно захохотал, представив семидесятилетнего агронома верхом на хряке, несущегося в поля с горящими от возбуждения глазами и растрепавшейся — всегда такой аккуратной и окладистой — бородкой.

Удивительный человек наш агроном! Как и я, не местный, но проживший здесь уже больше тридцати лет! Насколько я знаю, Николай Егорович родился в Ленинграде, там же и стал профессором, всемирно известным учёным, написавшим массу работ о сибирской флоре. Казалось бы,

впереди только слава и почёт да всевозможные «заслуженные» звания. Но он вдруг ни с того ни с сего собрался и скрылся в нашем захолустье, в самой что ни на есть глухой тайге. А поскольку про растения он знал всё — ну, или почти всё, — то и агрономом он был от Бога! Его уважали и ценили все! И влевой деревне, и в Правой, и в нашей. Да и в районе на него надыхаться не могли, частенько за ним машину присылали, чтобы он разобрался с их аграрными проблемами.

Исследовательскую работу Егорыч не забросил и в деревне. Я лично бывал в его очень даже приличной лаборатории, которую он устроил прямо в доме — в самой большой комнате. Чего только у него там не росло! Он даже попытался вырастить коноплю для каких-то своих научных целей, но я ему запретил — от греха, знаете ли, подальше. А то ведь люди бывают разные... проговориться кто-нибудь случайно может. А может, и не случайно... Всякое бывает.

С тех пор Егорыч пользовался только подзаборной коноплей, и то потихоньку.

— Простите, Николай Егорыч, — извинился я, после того как перестал ржать. — Это я не со зла. Видит Бог! Просто по глупости представил вас сидящим на хряке. Парочка из вас, знаете ли, неказистая получилась...

Агроном засмеялся.

— Эх, Александр Андреич, какие могут быть прощения! В моём возрасте начинаешь радоваться тому, что ты вообще ещё людям нужен. А уж если ты заставил человека смеяться, то это совсем уж хорошо! Но я зашёл по другому поводу, по делу, так сказать, — агроном легко, словно и не ему было семь десятков, поднялся с крыльца и продолжил: — Выходные как бы намечаются, Александр Андреич, пора бы и в лес сходить, грибочками, так сказать, поживиться.

Я задумчиво посмотрел на агронома и уже не спешил, как в прошлые года, утверждать, что время грибам ещё не пришло. Хотя оно, это самое время, действительно для грибов ещё не пришло. Но всякий раз я возвращался с Егорычем из леса с полными корзинами. Поэтому только кивнул и спросил:

— Во сколько?

— С утраца, Александр Андреич, с утраца,— и агроном пружинящей походкой направился в сторону своего дома.

По лесу мы с агрономом отмахали уже километров пять. Егорыч оказался прав: грибы уже были, только надо было знать, где их искать. Ни я, ни даже деревенские, наверное, и не догадались бы, что в этих совершенно не грибных местах можно этих самых грибов нарезать... не очень много, на заготовку, конечно, не хватит, а вот душу отвести — это да! Это сколько угодно!

— Ты, Александр Андреич, подожди,— улыбнулся агроном, когда увидел, что я, как коршун, набросился на дары природы.— Незачем себя утруждать, таскаясь по лесу с полной корзиной. На обратном пути нарежешь. А сейчас гляди что покажу!

И с этими словами он подошёл к высоченной сосне, задрал голову, вглядываясь в её крону, а потом вдруг обнял ствол дерева и закрыл глаза.

— А теперь давай ты попробуй,— необычно серьёзным голосом предложил Егорыч и отступил от сосны.— Не бойся, давай, обними дерево и прислушайся к нему.

Я с сомнением посмотрел на агронома, а затем, как и он, глянул вверх. Разумеется, ничего, кроме далёкой кроны, не увидел, нерешительно помялся возле сосны и, чувствуя себя деревенским дурачком, закрыл глаза и обхватил ствол руками. Я почувствовал это сразу! От дерева шёл мощный, постоянный, ровный гул, как от электрического столба. Это ощущение было настолько осязаемым, что я невольно отстранился, а потом вновь положил ладони на ствол. Но это не было напряжением, которое искусственно заставляет вибрировать столб. Находиться возле этого дерева было приятно; даже если не прикасаться к нему, всё равно что-то ощущалось, что-то заставляло меня улыбаться.

— Ну что, Александр Андреич? Чувствуешь что-нибудь? — довольно глядя на меня, спросил Егорыч.

Я, не в силах от изумления закрыть рот, молча покивал головой.

— А это, Александр Андреич, так сказать, живое дерево. Можно сказать, оно всем деревьям дерево!

— Но вроде как все деревья считаются живыми, на научной основе, — блеснул я своими невеликими знаниями.

— Так-то оно так, — улыбаясь, ответил Егорыч и отхлебнул из кружки чай собственного изготовления, потом повозился, устраиваясь поудобнее на камне, который использовал в качестве стула, и, подбросив в костерок пару веток, продолжил, почти не мигая глядя на огонь: — Видите ли, Александр Андреич, я несколько десятилетий изучаю деревья. Не только, конечно, деревья, но в основном их. И пришёл к выводу, что вся вот эта гигантская масса деревьев, кустов, травы, грибов, да и вообще всего, что растёт, обладает неким разумом. Вернее, даже не так. Точнее, наверное, будет сказать — протечей разума, так как растительность является самой древней представительницей жизни на нашей планете.

Николай Егорыч оторвал взгляд от костра и посмотрел на меня.

— Вам, может быть, покажется странным то, что я вам сейчас скажу, — медленно проговорил он, — но я убеждён в том, что вот эти самые деревья, с которыми мы сегодня обнимались, являются как бы нервными узлами, импульсы от которых передаются через миллионы и миллионы километров корней всему этому гигантскому организму. И, по моему глубокому убеждению, эта разветвлённая сеть, спрятанная под землёй, есть не что иное, как нервная система этого живого организма.

Учёный помолчал немного, словно давая мне время, чтобы я осмыслил сказанное им, а потом, опять глянув на меня, продолжил:

— Вы, наверное, знаете, слышали где-то или читали о том, что в Древней Руси наши предки практически никогда не болели!

Николай Егорыч назидательно поднял вверх указательный палец. Я кивнул.

— Вот именно, молодой человек! — обрадовался он. — Не болели! А знаете почему?

Ответить я не успел, Егорыч ответил за меня:

— Вы можете сказать, что они от природы были здоровыми: баня, соблюдение гигиены и прочее, — и вы будете правы. Но, — опять воздел перст к небу Егорыч, — только отчасти, друг мой! Только отчасти! Наши предки, знаете ли,

жили в гармонии с природой, они были, можно сказать, частью её гигантского и неимоверно мощного организма, который не только питал людей, но и излечивал их! Они всегда жили в лесу или в непосредственной близости от него.

— Как он их излечивал? — задал я, на мой взгляд, совершенно уместный вопрос.

Николай Егорыч улыбнулся и долил из котелка в кружку остывшего чая.

— Как? Хороший вопрос, мой друг, очень хороший! И мне кажется, что я нашёл на него ответ, но это моё знание надо домыслить... Кстати, наши западные соседи ушли из лесов, выстроили себе каменные города и постарались отгородиться от своей матери — природы... А в результате что? — спросил как бы самого себя Егорыч.— А в результате — болезни, телесные и душевные. Мор, эпидемии, поветрия — в общем, вся прелесть разрыва связующей нити между человеком и лесом.

Мы с агрономом вернулись из леса, набрав по ведру ранних грибов, и об этом нашем походе и о разговоре я благополучно забыл, занявшись насущными делами. Однако мне пришлось о нём вспомнить. Вспомнить при довольно трагических обстоятельствах.

Через неделю Егорыча позвали в район, чтобы проконсультироваться с ним по поводу каких-то там новомодных семян пшеницы, и он уехал. Следующий раз я его увидел уже в больнице, где он лежал в хирургическом отделении с переломом позвоночника.

Какая-то пьяная тварь на машине вылетела на тротуар и снесла двух человек, одним из которых был наш агроном. Егорыча отшвырнуло на бетонный столб, и он ударился об него поясницей, со всеми вытекающими из этого последствиями в виде перелома поясничных позвонков и отнявшихся ног. Второй пострадавший отделался не в пример легче: сломал пару рёбер и руку.

Николай Егорыч держался отлично, можно даже сказать — мужественно! Я, например, даже представить себя не мог в инвалидном кресле! Не мог, и всё! В голове у меня не укладывалось, что я вдруг не смог бы ходить. Это было

реально страшно! И когда я в очередной раз навел на агронома в больнице, он взял с меня слово, что я выполню его просьбу.

— Не переживайте, Александр Андреевич,— улыбнулся Егорыч.— Просьба, конечно, будет не совсем обычной, но вполне выполнимой. Я не мог не пообещать.

Домой Егорыч вернулся в середине августа, и на мой вопрос, что я должен сделать, он, улыбаясь, спросил:

— Вы помните, Александр Андреевич, ту сосну, с которой я вас познакомил?

Я молча кивнул, не понимая, к чему он клонит.

— Отлично,— обрадовался Егорыч.— Значит, вы, выполняя своё обещание, должны будете меня к этой самой сосне доставить!

И всё! Больше он мне ничего не сказал, как я ни пытался его заставить проговориться, используя при этом весь свой опыт работы в полиции.

Желающих помочь агроному было много. Все! В прямом смысле этого слова. Женщинам было просто любопытно. Да чего там греха таить — мужикам, наверное, тоже было интересно. Мне-то уж точно было! Ну а детям вообще весело, наверное, будет смотреть, как на носилках таскают по лесу деда Колю.

Носилки мужики сколотили сами, постелили на них матрас, и когда Егорыч, выбрав одному ему известное время, дал команду выходить, его переложили на носилки и за час, сменяя друг друга, без остановок доставили прямо к нашей сосне. Возле сосны агронома посадили, и он, опершись о её ствол спиной сказал:

— Всё, мужики! Благодарствую! Дальше я уже сам, вы пока подождите в сторонке, мне одному побыть надо.

Вся наша компания любопытных помощников быстро отвалила подальше и, разместившись с максимальным удобством, принялась ждать.

Прошло уже, наверное, минут тридцать, прежде чем я осторожно подкрался поближе и, выглянув из-за дерева, посмотрел на Егорыча, который по-прежнему сидел, прильнув к стволу сосны и, казалось, дремал.

С Егорычем вроде бы ничего необычного не произошло, всё было по-прежнему. Кроме одного: его левая нога была согнута в колене, на которое он положил левую же руку. Сначала я было решил, что он руками подтянул ногу, но вдруг, к своему неопишуемому удивлению, увидел, как Егорыч согнул в колене и правую ногу! Потом он вытянул левую ногу, а следом — другую! Затем согнул их обе вместе, руки он при этом не задействовал, а после повернулся в нашу сторону и крикнул:

— Всё, мужики, возвращайтесь, встать помогите!

Домой мы его всё-таки принесли на носилках. Не мог он ещё ходить нормально, ослабили у него ноги от вынужденного бездействия. Так просто это событие я оставить не мог и через три дня припёрся в гости к агроному. Егорыч, поняв, что я потребую ответов, завёл меня в свою лабораторию, усадил в старое кресло и без предисловия начал:

— Вам, Александр Андрич, наверное, интересно, как так получилось, что я опять начал ходить?

Я моча кивнул и выразительно уставился на него.

— Ну что же, попробую объяснить, хотя и сам до конца этот процесс ещё не осознал. Помните, я вам говорил, что вроде бы как нашёл ответ на вопрос, почему не болели наши предки?

Я опять кивнул.

— Так вот,— с энтузиазмом продолжил Егорыч.— Я, можно сказать, проделал то же самое, что и они, когда в этом возникала нужда!

И он, поблёскивая глазами, радостно уставился на меня, как будто приглашая вместе с ним порадоваться такому неординарному событию.

— Что именно вы проделали? — терпеливо любопытствовал я.

— А у меня, дорогой вы мой Александр Андреич, получилось синхронизировать собственное биополе с биологическим полем леса, в результате чего я стал как бы его частью, и он меня излечил. Точно так же, как когда-то воздействовал и на наших предков.

Учёный замолчал и задумчиво покачал головой.

— Да, именно так. Другого объяснения у меня нет.

Он пододвинул поближе к моему креслу табуретку, сел и, вытянув ноги, извиняющимся тоном сказал:

— Тяжеловато ещё, знаете ли, ноги не совсем ещё в норму вошли. А вы, наверное, хотите спросить, что я чувствовал при этом? — поинтересовался Егорыч и, не дожидаясь моего ответа, продолжил: — Я, знаете ли, чувствовал поначалу то же, что и вы: напряжение дерева, его гул,— а когда сосредоточился, то, по всей вероятности, начал входить в какой-то транс, что ли. Я этот гул почувствовал в своей голове,— учёный задумался, а потом, словно очнувшись, смущённо улыбнулся.— А затем моя черепная коробка словно начала резонировать с этим гулом. Следом за ней начал вибрировать и позвоночник, начиная от шеи, а когда эта вибрация достигла поясницы, я, по всей вероятности, перестал воспринимать окружающий мир.

Егорыч опять поднялся со стула и, зачем-то сделав круг вокруг стола, продолжил:

— А потом я почувствовал свои ноги и начал их сгибать и разгибать. Ну а дальше вы уже всё знаете.

Я тоже встал и задал начавший мучить меня вопрос:

— Так, значит, любой человек, находясь рядом с этим деревом, может вот так же, как и вы, сосредоточиться и излечиться?

Николай Егорыч засмеялся:

— Нет, молодой человек! Не думаю! Боюсь, что мы навсегда утратили этот великий дар природы. Мне потребовалось тридцать лет непосредственного изучения, чтобы только приблизительно понять, как оно действует. А чтобы задействовать, так и вообще моей нервной системе потребовалась встряска в виде тяжёлой травмы.

Мы вышли из лаборатории во двор и направились к калитке.

— Хотя надежда, наверное, всё-таки есть,— улыбнулся Егорыч, подавая мне на прощание руку.

— И что же мы должны сделать? — спросил я во время рукопожатия.

Но учёный не ответил, он только пожал плечами, улыбнулся и вернулся к себе во двор, аккуратно прикрыв за собой калитку.